

О некоторых аспектах многоязычия в романской средневековой поэзии

И. И. Чельшева

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам двуязычия и многоязычия в романской средневековой поэзии. Это явление, во-первых, могло быть следствием индивидуального полилингвизма автора. Во-вторых, оно возникало при сочетании в узусе определенной общности двух или нескольких языков. В-третьих, многоязычие было связано с функционированием престижных литературных школ и направлений, когда язык воспринимался как неотъемлемая характеристика данного направления. Классическим образцом поэзии, престиж которой обеспечил и престиж языка, является поэзия окситанских трубадуров, а на Пиренейском полуострове и галисийско-португальская куртуазная поэзия. В-четвертых, практически любой, кто создавал поэзию на романском языке, в той или иной мере знал латынь, и культура романской Европы немыслима без латино-романского билингвизма.

Ключевые слова: двуязычие, многоязычие, романская поэзия.

УДК 821

Контактная информация: Чельшева Ирина Игоревна, доктор филологических наук, заведующая отделом индоевропейских языков ИЯ РАН (Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, 125009, crusca@list.ru)

Чельшева И. И. О некоторых аспектах многоязычия в романской средневековой поэзии // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 182–190.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 1
© И. И. Чельшева, 2015

Мир романской средневековой поэзии отличается достаточно сложным сочетанием разных языков как в творчестве одного автора, так и в поэзии определенного региона. Мы бы хотели проиллюстрировать многоязычие романской средневековой поэзии некоторыми интересными, на наш взгляд, примерами. Отметим сразу, что мы не затрагиваем одну из важных страниц в истории сосуществования разных поэтических языков средневековой Романии – сочетание арабской, иудейской и христианской (латинской и романской) поэтических традиций на Пиренейском полуострове, однако иберо-романский мир в какой-то степени будет представлен как пространство, объединяющее различные романские поэтические языки.

О двуязычии и многоязычии (полилингвизме, мультилингвизме, плюрилингвизме) в романской средневековой поэзии написано немало. Отметим, однако, что многоязычие в применении к поэзии иногда понимается очень расширенно. В прекрасной работе Дж. Контини противопоставляются «плюрилингвизм» Данте и «монолингвизм» Петрарки [Contini, 1992]. Но в этом случае речь идет о полиглоссии стилей, жанров и языковых регистров у Данте, иногда включающей отдельные иноязычные формы, а не об использовании в поэзии нескольких языков, хотя известна одна трехязычная (окситанский, итальянский, французский) канцона «*Ai faux gis*», возможно, принадлежащая перу Данте. И «монолингвизм» Петрарки, противопоставленный Данте, заключается не в исключительном одноязычии его поэзии, а в строгой селективности языковых средств одного стиля, чему не противоречит тот факт, что Петрарка писал стихи на латыни и считал себя первым из поэтов Италии именно как латиноязычный автор.

Мы рассмотрим некоторые моменты реального многоязычия в романской средневековой поэзии. Это многоязычие могло проявляться вследствие целого комплекса иногда сочетающихся между собой причин. Во-первых, оно могло быть следствием индивидуального полилингвизма, порожденного жизненными обстоятельствами автора. Во-вторых, оно возникало при сочетании в узусе определенной общности двух или нескольких языков. В-третьих, многоязычие могло быть связано с функционированием престижных литературных традиций и направлений, когда язык воспринимался как неотъемлемая характеристика данного направления. Классическим образцом поэзии, престиж которой обеспечил и престиж языка, является поэзия окситанских трубадуров, а на Пиренейском полуострове и галисийско-португальская куртуазная поэзия. В-четвертых, практически любой, кто создавал поэзию на романском языке, в той или иной мере знал латынь, и культура романской Европы немыслима без латино-романского билингвизма. В-пятых, некоторые «отблески» многоязычия в поэтическом тексте могли быть связаны со сложной рукописной историей памятника.

Отражение разнообразного сочетания языков принимало различные формы у разных авторов и в текстах разных типов, вплоть до «транслингвизма», т. е. перехода внутри самого текста с одного языка на другой, третий и т. д. Например, для поэзии трубадуров Р. Грутман выделяет три типа билингвизма: *le bilinguisme littéraire* (один автор пишет на нескольких языках); *le bilinguisme poétique* (в одном тексте сочетаются разные языки); *le bilinguisme référentiaire* (языки используются в текстах разных жанров в зависимости от престижности жанра и языка) [Grutman, 1994].

Примером текста, порожденного в условиях многоязычия, может служить секвенция, или кантилена о святой Евлалии (конец IX в.), первое поэтическое произведение на французском, дошедшее до нас в составе кодекса, написанного на востоке Франции, в Лотарингии, которая до сих пор остается поделенной между немецким и французским языками. О многоязычии среды, откуда происходит эта рукопись, говорит то, что в ней на одной странице одной и той же рукой записана кантилена о святой Евлалии на романском языке и панегирик королю Людовику Саксонскому на германском наречии. Кантилена не несет указания о языке записи, а панегирик обозначен как *Rhithmus Theutonicus*. Кодекс с кантиленой и германским стихотворением принадлежал библиотеке монастыря Сент-Аман, где монастырская община, видимо, объединяла носителей разных наречий. Хотя во французском тексте почти нет следов германского влияния, можно предположить, что для тех, кто умел писать на германском, было легче перейти на письмо на романский язык, поскольку пример поэтического использования живого языка был у них перед глазами.

Есть и другие примеры, свидетельствующие о том, что многоязычие общества способствовало становлению письменной поэтической традиции. Так, первые памятники куртуазной поэзии в Италии – поэзия Сицилийской поэтической школы (середина XIII в.), были созданы на Сицилии, при дворе императора Фридриха II, наследника германской династии Гогенштауфенов и норманнского рода Альтавилла. На Сицилии этого времени звучали арабский, греческий, французский, немецкий, сицилийский, вольгаре, окситанский, не говоря уже о латыни как основном языке документов. В таких условиях, когда сицилийцам была известна и поэзия окситанских трубадуров, и германский миннезанг, и арабская поэзия, обращение к родному наречию для сочинения стихов выглядело вполне оправданным.

Отражение в поэзии латинско-романского двуязычия, двуязычия «вертикального», поскольку дихотомия латынь / романские языки во многом воспринималась не как оппозиция разных языков, а как противопоставление стилистических регистров, изучено достаточно хорошо (см., например, фундаментальные работы И. Казаль [Cazal, 1998] и П. Зюмтора [Zumthor, 1960]). Распространенное в итальянском Средневековье название романских наречий Апеннинского полуострова – вольгаре, т. е. ‘на-

родный язык¹, подтверждает такое восприятие (мы предпочитаем использовать это наименование, избегая термина «итальянский язык», который до XV в. в применении к языку почти не употреблялся). Нам бы хотелось добавить несколько штрихов, вносящих дополнительные краски в это противопоставление, столь значимое для Средних веков.

В древнейших поэтических текстах, когда письменный узус на романских языках лишь формировался, прослеживается такое распределение языков, при котором народный язык появляется в повторяющемся рефрене, а основной текст остается латинским. Так построено, например, славословие-аккламация «*Laudes Regiae*» ‘Хвала королю’ (Франция, Суассон, 80-е гг. VIII в.), где в рефрене появляются романские глагольные формы *tu lo iuva* ‘помоги ему’ [Avalle, 1983, p. 28]. Аналогично в известной латино-франкопровансальской альбе из Флери (VIII–IX вв.) повторяется романский рефрен, который до сих пор убедительно не расшифрован: *L'alba par umet mar atra sol / Roypas abigil miraclar tenebras* [Lazzerini, 2001, p. 19]. Дело в том, что рефрен и славословия, и альбы должна была повторять вся присутствующая аудитория, а в случае с альбой это могло происходить в церкви, поскольку текст рассматривается как паралитургический. Расширение круга лиц, произносивших текст, могло повлиять и на языковую форму рефрена, которая записана как приближенная к живой, устной речи.

Одним из ранних письменных свидетельств вольгаре являются несколько стихотворных строк, где чередуются латынь и романский язык, написанных на саркофаге в Пизе и датированных 1176 г. В этой надписи, повторяющей известный с Античности мотив «*Sta, viator!*», обращает на себя внимание четкое и однозначное распределение языков – о покойном говорится на латыни, о живом – на вольгаре:

<i>Homo ke vai per via,</i>	‘Человек, идущий мимо,
<i>Prego Dio dell'anima mia,</i>	Моли Бога о душе моей,
<i>Sì come tu se', ego fui,</i>	Каков ты есть, я был,
<i>Sicut ego sum, tu dei essere</i> ¹ .	Каким я есть, ты должен стать.’

Латынь, таким образом, представлена как язык мира небесного, где пребывает усопший, и в противопоставление этому миру о земном говорится на романском языке.

Следующий пример связан с авторским осмыслением оппозиции латынь / вольгаре. Перу Якопоне да Тоди (≈ 1236–1306), самого известного гимнографа средневековой Италии, принадлежат многочисленные лауды (религиозные стихотворения-песнопения) на вольгаре, которые являются лучшими образцами этого жанра в итальянской поэзии. Якопоне, с боль-

¹ См.: [Inventaire..., 1997, p. 1007].

шой степенью вероятности, является и автором известнейшего латинского гимна «Stabat Mater», ставшего частью канонического Реквиема. Страдания Марии у Креста описываются также в самой известной из лауд Якопоне на народном языке, так называемой «Большой лауде». Таким образом, этот автор слагал стихи на разных языках в том жанре, что именовался *Planctus Virginis* и сложился, видимо, в том числе и под влиянием трактата «*Tractatus de planctu Beate Marie Virginis*», приписываемого Бернару Клервосскому. Но есть существенная разница в том, как представляет Якопоне да Тоди евангельские события на латыни и на вольгаре. В латинском гимне у Якопоне описание дается «со стороны», в соответствии с евангельской традицией; это именно молитва-рассказ, где молящийся описывает страдания Богоматери, сопереживает и молит ее о заступничестве. Лауда же на вольгаре представляет собой прямую речь-диалог: Мария обращается к распятому сыну, и он отвечает ей. Более того, вводные реплики, видимо, вложены в уста Иоанна Крестителя, к которому и дальше взывают и Мария, и Христос, что превращает лауду в своего рода полилог, участники которого видят и слышат друг друга. Таким образом, в противовес латыни вольгаре предстает у Якопоне живым, звучащим языком, вложенным в уста героев. Народный язык оказывается средством драматизации речи и средством выражения высочайшего душевного и духовного напряжения. См., например, слова Марии, обращенные к Христу:

Figlio, l'alma t'è 'scita,
figlio della smarrita,
figlio della sparita,
figlio attosseccato!
Figlio bianco e vermiglio,
figlio senza simiglio,
figlio, a chi m'apiglio?
Figlio, pur m'ài lassato!

‘Сын, покинула тебя душа твоя; сын потерянной; сын исчезнувшей; сын отравленный! Сын, собой прекрасный (*bianco e vermiglio* букв. ‘белолицый и румяный’ – в итальянской поэзии XIII в. устойчивое сочетание для обозначения физической красоты. – *И. Ч.*); сын, которому равных нет; сын, кто поддержит меня? Сын, и ты оставил меня! [Jacopone da Todi, 1966, p. 150].

Интересно, что именно в такой ситуации, для передачи прямой речи, появляется вольгаре и в другом итальянском памятнике этого же жанра, в так называемом «Плаче из Монтекассино» (конец XII – начало XIII в.), где в текст латинской драмы о страстях Христовых вписаны три строки на народном языке:

Te portai nillu meu ventre.
Quando te beio, ploro presente.
Nillu teu regnu agime a mente.

‘Я носила тебя в лоне моем. Когда вижу тебя, сразу плачу. Не забудь меня в царствии своем’ (цит. по: [Алисова, Чельшева, 2009, с. 87]).

Эти примеры свидетельствуют о том, что в поэзии для отражения звучащей речи выбирали именно народный язык, а не латынь.

Но не следует забывать и о «горизонтальном» многоязычии, когда в поэтическом универсуме сочетались два или несколько живых, народных, языков. Отметим, правда, что нередко эта «горизонтальность» также предполагала и элемент «вертикальности» – устоявшиеся поэтические традиции воспринимались как непререкаемый авторитет в иноязычных ареалах. Романская Европа особо почитала две куртуазные поэтические школы – провансальскую (окситанскую) и галисийско-португальскую. В Италии в XIII–XIV вв. поэзия на языке ок была не менее популярна, чем поэзия на вольгаре. Достаточно вспомнить, что из 95 рукописных канцоньеров – сборников куртуазной поэзии на окситанском, в Италии созданы 52, а в Южной Франции, в ареале распространения окситанского – только 19 (об окситанском и его влиянии на итальянскую поэзию см.: [Brugnolo, 1983]).

В иберо-романском мире обе традиции – провансальская и галисийско-португальская, переплетались. Интересна фигура Бонифацио Кальво (вторая половина XIII в.), принадлежавшего к знатной генуэзской семье и слагавшего стихи при дворе короля Кастилии Альфонса X Мудрого. Король, много сделавший для становления кастильского как языка прозы, в том числе и прозы деловой, стихи писал на галисийско-португальском, основном поэтическом языке христианских государств Пиренейского полуострова в XII в. Заметим, что к этому Альфонса подталкивали и обстоятельства его собственной биографии – король вырос в городе Альярис, в Галисии, так что с наречием северо-запада Пиренейского полуострова был знаком с детства. Бонифацио Кальво, обращаясь к королю, писал в основном на окситанском, который для него, уроженца Лигурии, был таким же чужим языком, как и галисийско-португальский. Перу Кальво принадлежат также два стихотворения на галисийско-португальском и одно – двуязычное. Подчеркнем, что Кальво должен был быть носителем генуэзского, очень специфического североитальянского диалекта, а находясь при дворе Альфонса Мудрого, очевидно, в какой-то степени овладел кастильским. Соответственно для него, как и для многих других, должно было быть характерно и индивидуально-устное, многоязычие, и многоязычие поэтическое (о трубадурах при кастильском дворе см.: [Alvar, 1997]). Известный исследователь галисийско-португальской поэзии

Дж. Тавани, посвятив отдельные разделы своей работы галисийско-португальскому языку провансальцев (т. е. трубадуров, перебравшихся к пиренейским дворам из Южной Франции и Северной Италии) и окситанскому языку уроженцев Пиренейского полуострова [Tavani, 2002], убедительно показал, как гармонично могли сосуществовать разные языки в одном обществе.

Но справедливо и обратное: когда, как в случае с койне трубадуров, авторитетная поэтическая традиция связывалась с вполне определенным языком, то отступление от жанровых канонов этой традиции приводило и к введению иного языка. Достаточно вспомнить широко известный контраст Раймбаута Вакейраса «*Domna, tants vos ai preiada...*» (конец XII в.), представляющий собой диалог Поэта, изъясняющегося на окситанском во вполне традиционных для куртуазной поэзии терминах, и Донны, отвечающей на генуэзском, что представляет собой первое письменное свидетельство генуэзского наречия. Содержание ответов Донны настолько расходится с принятой в поэзии трубадуров образной системой, что переход на генуэзский выглядит неизбежным:

– Jujar voi no sei corteso
 Que me chaldejai de zo,
 Qe negota no farò
 Ance fossi voi apeso!
 Vostr'amia non serò!
 Certo ja ve scanerò,
 Provenzal malaurao!
 Tal enojo ve dirò
 Sozo mozo esclavao!

‘Жонглер, вы не воспитаны, раз надоедаете мне, я ничего делать не буду. Вас скорее повесят! Вашей подругой я не буду! Лучше я вас зарежу, проклятый провансалец! Вот какую гадость я вам скажу: противный, глупый, лысый!’ (цит. по: [Pasquini, Quaglia, 1981, p. 118]).

Естественно, в койне трубадуров не существовало языковых средств, чтобы выразить подобное, и слушателями-современниками такое сочетание языков должно было восприниматься как пародия, как шутка, которую мог себе позволить знаменитый трубадур.

Раймбаут Вакейрас явно был склонен к лингвистическому экспериментированию, о чем свидетельствует и его многоязычный дескорт – стихотворение, где сочетаются строфы на окситанском, французском, гасконском, галисийско-португальском и североитальянском вольгаре.

Мы остановились лишь на некоторых аспектах использования языкового многообразия в романской средневековой поэзии, однако, как нам ка-

жется, даже этот, весьма ограниченный, материал подтверждает, что многоязычие как устное, так и письменное являлось в эпоху романского Средневековья одной из движущих сил формирования и развития поэтического дискурса.

Список литературы

- Алисова Т. Б., Чельшева И. И.* История итальянского языка от первых памятников до XVI в. М., 2009.
- Alvar C.* La poesia trovadoresca en España y Portugal. Madrid, 1977.
- Avalle d'A. S.* Latino «circa romançum» e «rustica romana lingua». Testi del VII, VIII et IX secolo. Padova, 1983.
- Brugnolo F.* Plurilinguismo e lirica medievale. Da Raimbaut Vaqueiras a Dante. Roma, 1983.
- Cazal Y.* Les voix du peuple / Verbum Dei : le bilinguisme latin / langue vulgaire au Moyen Age. Genève, 1998.
- Contini G.* Preliminari sulla lingua del Petrarca // Francesco Petrarca. Canzoniere. Torino, 1992. P. XXVIII–XXXVIII.
- Grutman R.* Le système triplement bilingue de la lyrique occitane (1150–1250) // Revue des langues romanes, 1994. Vol. 98. No. 2. P. 465–475.
- Inventaire systématique des premiers documents des langues romanes / B. Frank, J. Hartmann, H. Kürschner, éd. Tübingen: Gunter Narr, 1997. Vol. 2.
- Jacopone da Todi.* Laude // Poeti del Duecento / A c. di G. Contini. Milano-Napoli : Ricciardi, 1966. T. 2. P. 66–160.
- Lazzerini L.* Letteratura medievale in lingua d'oc. Modena, 2001.
- Pasquini E., Quaglio A. E.* Le origini e la scuola lirica siciliana // Letteratura italiana Laterza I. Bari, 1981.
- Tavani G.* Tra Galizia e Provenza : saggi sulla poesia medievale galego-portoghese. Roma, 2002.
- Zumthor P.* Un problème d'esthétique médiévale: l'utilisation poétique du bilinguisme // Le Moyen Âge, 1960. № 66. P. 301–336.

Article metadata

Title: Multilingualism in Romance poetry of the Middle Ages

Author: I. I. Chelysheva

Author's e-mail: crusca@list.ru

Author affiliation: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Abstract: The article deals with bilingualism and multilingualism in the Romance poetry of the Middle Ages. Firstly, the phenomenon could have resulted from the individual multilingualism of a particular author. Secondly, it used to come into existence in communities that combined two or more lan-

guages in everyday communication. Thirdly, multilingualism was related to the activities of many prestigious literary schools and movements, as language was considered to be an inherent character of a given movement. A classic example of prestigious poetry producing a prestigious language is the poetry of the Occitan troubadours, while on Iberian Peninsula there existed Galician-Portugal courtesy poetry, too. Fourthly, a person who wrote poetry in a Romance language was supposed to know at least some Latin too, therefore the Romance culture in Europe is unthinkable without Latin-Romance bilingualism.

Key terms: bilingualism, multilingualism, Romance poetry.

Reference literature (in transliteration):

Alisova T. B., Chełysheva I. I. Istorija ital'janskogo jazyka ot pervyh pamjatnikov do XVI v. M., 2009.

Alvar C. La poesia trovadoresca en España y Portugal. Madrid, 1977.

Avalle d'A. S. Latino «circa romançum» e «rustica romana lingua». Testi del VII, VIII et IX secolo. Padova, 1983.

Brugnolo F. Plurilinguismo e lirica medievale. Da Raimbaut Vaqueiras a Dante. Roma, 1983.

Cazal Y. Les voix du peuple / Verbum Dei : le bilinguisme latin / langue vulgaire au Moyen Age. Genève, 1998.

Contini G. Preliminari sulla lingua del Petrarca // Francesco Petrarca. Canzoniere. Torino, 1992. P. XXVIII–XXXVIII.

Grutman R. Le système triplement bilingue de la lyrique occitane (1150–1250) // Revue des langues romanes, 1994. Vol. 98. No. 2. P. 465–475.

Inventaire systématique des premiers documents des langues romanes / B. Frank, J. Hartmann, H. Kürschner, éd. Tübingen: Gunter Narr, 1997. Vol. 2.

Jacopone da Todi. Laude // Poeti del Duecento / A c. di G. Contini. Milano-Napoli : Ricciardi, 1966. T. 2. P. 66–160.

Lazzarini L. Letteratura medievale in lingua d'oc. Modena, 2001.

Pasquini E., Quaglio A. E. Le origini e la scuola lirica siciliana // Letteratura italiana Laterza I. Bari, 1981.

Tavani G. Tra Galizia e Provenza : saggi sula poesia medievale galego-portoghese. Roma, 2002.

Zumthor P. Un problème d'esthétique médiévale: l'utilisation poétique du bilinguisme // Le Moyen Âge, 1960. № 66. P. 301–336.